

КРИСТИНА КАЛЬЧУК
АННА ЯФОР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

(Не)сводная, или
МАША ДЛЯ МЕДВЕДЯ

**Анна Яфор
Кристина Кальчук
(Не)сводная, или
Маша для Медведя**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68464372

SelfPub; 2022

Аннотация

Он: Я поклялся выполнить последнюю волю отца и найти дочь его бывшей возлюбленной. Слово-то я сдержал, но как теперь удержать себя? Ведь девчонка, оказавшая моей сводной, с каждым днем привлекает все сильнее. Она: Поиски отца завершились для меня совершенно неожиданным образом. Отец при смерти, а в его доме всем заправляет мой сводный брат. Он собирается устроить мою жизнь, а я... я мечтаю разделить ее вместе с ним.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	55
Глава 6	63
Глава 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кристина Кальчук, Анна Яфор (Не)сводная, или Маша для Медведя

Пролог

Маша

Вот и пригодилось платье, подаренное мне моим сводным братом. Ирина затащила меня на корпоратив. Стерва. Теперь я понимаю, с какой целью. Наглядно решила мне показать, что ОН принадлежит ей. Что только она имеет права посягать на его внимание. Липнет к нему весь вечер, с того самого момента, как я зашла в большой зал, где проходило мероприятие.

Зря она думала, что мне нечего надеть. Платье, которое купил Глеб, сидит не просто идеально, оно подчеркивает все мои формы и прелести. Тонкая ткань красиво струится по телу, а глубокое декольте в паре с полностью открытой спиной и разрезом до бедра говорят сами за себя. Потрясаю-

щее брендовое платье не просто откровенное – оно выглядит сногсшибательно, и первой, кто спотыкается, увидев меня в этом наряде, оказывается как раз Ирка.

Глеб замечает меня и хмурится, блуждающим взглядом оценивая предстоящее бедствие. Свободные мужчины тут же подтягиваются испытать судьбу и познакомиться со «свежей незатасканной девицей» – именно эти слова я слышала от брата, не желающего меня брать с собой на тусовку. Часики тикают, мой сводный смотрит на меня то угрожающе, то таким взглядом, словно никого, кроме нас двоих, больше не существует в целом мире.

Ирка бесит до помутнения рассудка, вешается ему на шею и трется всем телом, танцует с Глебом, без конца пытаюсь его поцеловать. Личный спектакль для меня, будто мне ее дома не хватало, где она ходила в коротких шортах и трясла своим целлюлитом на худых косточках. И что он в ней нашел?! Сиськи ненатуральные и морда вся перекроенная, на манер своих подружек по несчастью, ну явно к одному хирургу ходят, неужели других нет?! Или у них мода такая, под названием «найди отличие»?

Очередной засос в губы вышибает из груди воздух, и я отвожу взгляд от сладкой парочки, выпивая залпом бокал шампанского. Очередной бокал.

– Целый час за вами наблюдаю и могу с уверенностью сказать, что никого прекрасней на этом скучном празднике нет.

Слышу сомнительный комплимент – и желание немедлен-

но отшить выдавшего его придурка поднимается с волной дурманящего опьянения.

Поднимаю свой затуманенный взгляд и вижу Глеба, у которого от злости перекосило лицо. Быстрым движением руки он опрокидывает в себя огненный напиток янтарного цвета, продолжая прожигать спину моему собеседнику.

Вот, значит, как?! Оказывается, в эту игру можно играть парами! Ну что, мой Медведь, поиграем? Я стану плохой Машуткой, а ты, как строгий старший братец, будешь бегать за мной, пытаясь приструнить.

– Маша любит сладости и леденцы на палочке, мультфильмы, игрушки, детские побрякушки. Любит проказничать и хулиганить... Привет, я Маша, – пропеваю веселым голосом, протягивая знакомцу свою ладонь.

Высокий холеный блондин довольно приближается и, невзначай опустив мне руку на спину, игриво шепчет в ухо:

– Маша любит леденцы? А я уже люблю Машу, – вторая его рука скользит в разрез платья на бедре.

Смотрю на брата, а у него лицо делается мрачнее тучи. Глеб стоит, сжимая челюсти, и прожигает меня взглядом, словно предупреждая: «Кончай, Машка, не то я за себя не ручаюсь!» И если раньше эти же слова слетали с его губ с шуточной интонацией, то сейчас я понимаю, что ему стало совсем не до шуток.

Он вливает в себя очередной стакан горячего. Ирка с недоумением смотрит на него, силясь понять, что происхо-

дит, почему Глебушка сорвался с катушек и опустошает бар. Проследив за его взглядом, недовольно хмурится, осознав, наконец, причину, и что-то шепчет на ухо, повисая на шее.

– Маше надо выпить, – отстраняюсь я от лапающего меня наглеца, разворачиваясь, чтобы братец мог оценить разрез на платье.

Блондин быстро понимает намек и привлекает внимание бармена за стойкой. Делаю шаг назад, упираясь ягодицами в высокий барный стул. Усаживаюсь на него, закидывая ногу на ногу так, чтобы со стороны это смотрелось как можно более эффектно. Лови, Медведь, это все для тебя!

Люблю его и ненавижу! Мое искушение и наказание! За что?! Почему именно он, мой сводный брат? Почему не этот смазливый блондин, от которого пахнет женскими духами? Как можно было по уши влюбиться в сводного? Может, все дело в том, что мы выросли порознь и абсолютно ничего не знали друг о друге?

– Машутка, никогда тебя раньше не видел на наших ту-совках, новенькая? – протягивает блондин мне бокал с золотистым напитком.

– Почти... – многозначительно отвечаю я, откидываясь на спинку стула.

– Меня зовут Юрий, и я в поиске... – его рука вновь ложится мне на спину.

– И я в поиске: смысла жизни! – веду плечом, пытаюсь стряхнуть его руку и выискивая моего Медведя, которого по-

теряла в толпе.

Грозный, наполненный отчетливой угрозой голос Глеба раздаётся так неожиданно, что на секунду трезвею.

– Лапы убрал от нее, придурок! – свирепым взглядом зыркает он на блондина.

Мой новый знакомый застывает, но, увидев перед собой моего рассвирепевшего брата, отступает и произносит с вызовом в голосе:

– Глеб Медведев! Какие люди, давно не виделись! Насколько я помню, у тебя уже есть дама сердца, вы так мило зажимались...

– Руки убрал от моей сестры! Немедленно...

– Глеб! – пытаюсь я вставить слово, да только брат с силой отпихивает напыщенного блондина и, взяв меня за руку, тащит к выходу.

– Стой! Чего несешься, словно угорелый?

– Тебе что было сказано? Дома сидеть! А ты?! – сильнее стискивает он мою ладонь, таща за собой на выход.

– Там скучно! Перестань, куда ты меня тянешь?

– Домой! – рыкает в ответ, действительно напоминая разъяренного медведя.

Кажется, я слегка перестаралась, заигравшись.

– А как же Ира? – упоминаю о его спутнице.

– Не маленькая, дорогу домой найдет!

– А я, значит, маленькая! Я, между прочим, совершеннолетняя, и могу делать то, что хочу!

– Не пока я отвечаю за тебя и не у меня в доме!

– Но это и мой дом! Или, может, ты хочешь, чтобы я уехала? – несет меня не в ту степь.

– Хочу... – выругавшись сквозь зубы, он резко тормозит, оглядываясь в поисках такси, – не важно, чего я хочу!

И вот так всегда с ним. Хочет там чего-то себе, а я, значит, не хочу! Похоже, я перебрала с выпивкой, потому что в голову лезут самые безумные желания. Запретные и до боли сладкие. Хочу! Его хочу...

До дому мы доезжаем молча, каждый думает о своем.

Я пытаюсь потушить пожар внутри, вызванный одним его взглядом, легким прикосновением руки к моей спине, когда он усаживал меня на заднее сиденье такси, терпким и таким желанным запахом, который въелся в мозг с нашей первой встречи. Но все тщетно. Стоит только вернуться в пустой дом, где в это время, кроме нас, нет ни души, меня накрывает новой волной пагубной страсти.

Стараясь избежать ошибки, прямиком отправляюсь на задний двор к бассейну. Немного прохладного воздуха не помешает, чтобы охладить воспаленное воображение. Засмотревшись на ровную гладь воды, я останавливаюсь в шаге от бортика бассейна и пытаюсь выровнять дыхание.

Плевать на Глеба, ненавижу! От переполняющих меня эмоций пытаюсь топнуть ногой, да только каблук застревает в пластмассовом фильтре у края бассейна, и я, потеряв равновесие, падаю в воду.

Кто дернул остановиться там, где самое глубокое место, ведь плавать я не умею? Барахтаюсь и пытаюсь вспомнить короткие уроки, которые мне давал мамин знакомый. Спокойствие, только спокойствие! Еще это платье, которое мешает и сковывает движения! Закрываю глаза, стараясь расслабиться и начать грести. Как же тяжело! Мне срочно нужен глоток воздуха... Еще мгновение – и я не выдержу.

Сильные руки хватают меня в охапку и тянут в конец бассейна, где вода доходит только до пупка. Хорошая встряска и злобный голос Глеба вырывают из дурмана:

– Ты что творишь! – в очередной раз он трясет меня за плечи.

Открываю глаза – и тону в его потемневшем взгляде. Такой желанный, в мокром костюме, с темных волос вода капает прямоком на его чувственные губы. Потеряв рассудок и не в силах больше себя сдерживать, я впиваюсь в них поцелуем. Прижимаясь всем телом к его мощной груди, проникаю языком в рот, пробуя на вкус самого желанного мужчину, ловя его каждый вздох вперемешку с собственными стонами. Наша одежда трещит по швам от лихорадочного раздевания. Я мечусь в его объятьях, боюсь, что он остановится, а еще больше боюсь, что сама его остановлю. Резкие быстрые движения – и мы оба полностью обнажены. «Не останавливайся!» – вопит мой разум. Хотя, какой разум? Его нет и в помине. Безумие, но такое желанное и долгожданное. Первый толчок в моем теле и сладостный вскрик заставляют за-

быть обо всем, превращая этот вечер в самый невероятный в жизни.

Глеб

Меня будит головная боль. В ушах что-то противно звенит, и кажется, будто на виски обрушились разом десятки крошечных молоточков.

За окном давно день: солнце уже высоко. Морщась, смотрю на часы, понимая, что опоздал везде, куда только можно. Как это вообще вышло, почему не услышал будильника? Неужели так сильно перебрал накануне, что полностью отрубился от реальности?

В комнате кавардак, стул перевернут, вещи разбросаны. Я с кем-то дрался что ли? Осматриваю руки, ощупываю лицо на предмет повреждений. Вроде бы все цело. Да и кроме саднящей тяжести в висках больше не чувствую никакой боли.

Сажусь на постели, потягиваясь и пытаюсь размять затекшие плечи. Где мой телефон? Надо позвонить в офис и предупредить, что скоро приеду. И выяснить заодно, как там дела.

Тянусь к тумбочке за аппаратом, выныривая из-под укрывавшего меня одеяла, и тут же застываю, оторопело рассматривая собственное тело. Какого лешего я спал полностью голым? И с кем?

Забыв телефон, поворачиваясь обратно, впиваясь взгля-

дом в опустевшую постель. И в памяти одна за другой начинают оживать картинки прошедшей ночи.

Остатки хмельного дурмана развеиваются, когда до меня доходит, что именно случилось.

Сгребая руками и без того смятую простынь и рычу, когда ощущаю на ткани слабый запах ЕЕ парфюма. Как же меня угораздило-то, а? Ведь и выпил не так много, да и никогда после алкоголя не терял голову настолько, чтобы перестать соображать. Хотя с сестрицей своей я и без выпивки разума лишился.

Придурок! Медведев, что ты натворил?! Клялся же, что будешь вести себя правильно!

Срывающийся с губ звук теперь напоминает уже не рычание. Наверно, именно так чувствует себя загнанный в силки дикий зверь. Скулит, как щенок, метаясь по клетке и не находя выхода.

Мало ли баб на свете? Так нет же, меня именно на ней заклинило! С самой первой встречи. Как глянула на меня своими огромными глазами – словно под кожу пробралась. Пробудила во мне все самые низменные, затаенные инстинкты.

Ведь не мальчишка уже давно, у которого гормоны скалят, взрослый мужик. До кризиса среднего возраста вроде бы далеко еще. И в руках себя держать умею. Умел... До нее.

Девчонка стала моим наваждением. Превратилась в навязчивую идею. Я не только избавиться от мыслей о ней не мог, даже с Иркой в постели представлял, что рядом со мной

она... Маша. Моя сводная сестра...

Но как же вышло, что вчера я совсем с катушек слетел? Да и не звал же ее на эту дурацкую вечеринку! Не должна была она там появиться. Как и зачем пришла – не помню. И говорили ли с ней о чем-то. Ничего не помню. Только податливое тело в своих руках. Облако волос, окутавших плечи, когда она оказалась сверху, оседлав мои бедра. Грудь идеальной формы, подрагивающую при каждом новом толчке. Завораживающее зрелище, пьянящее сильнее любого напитка.

Хуже всего было то, что я не насытился ни хрена. Как гребанный наркоман, получил заветную дозу, да только не полегчало – еще хуже стало. Теперь я ещё больше её хочу. До физической боли. Мечтаю повторить все то, что допустил в пьяном угаре. Но так, чтоб с ясной головой теперь. Чтобы смаковать каждое мгновение с ней. Испробовать, вылизать каждый кусочек вожделенного тела. Чтобы стонала подо мной, умоляя об освобождении. Чтобы имя мое выкрикивала, содрогаясь в сладком экстазе. Чтобы запахом моим пропиталась, а на нежной коже заалели следы от моих ненасытных губ.

Но я и на то, что уже случилось, не имел права. Вообще не должен был прикасаться к ней. Не говоря уже о том, чтобы мечтать о большем.

И самый главный вопрос: где она сейчас? Зная эту девчонку, даже страшно представить, что могла учудить. Ведь не хуже меня должна понимать, что произошла катастрофа.

Стоит мне встать, как головная боль усиливается, но это уже не имеет значения. Сейчас важно другое: я должен ее найти! Кидаюсь к шкафу, натягивая первые попавшиеся штаны и вылетаю в коридор, почти сразу же натыкаясь на домработницу.

Светлана ахает, взирая на меня расширившимися от ужаса глазами. Еще бы: раньше я ни разу не скакал перед ней в полуголом виде. Ничего, переживет!

– Глеб Александрович... с ва-а-ами все хоро-о-о-шо?

– Маша где? – рывкаю, пропуская мимо ушей ее вопрос. Мое состояние сейчас – дело десятое.

– Так уе-е-хала она... утром еще... – заикается в ответ и осторожно уточняет: – А по-о-чему – не сказала. Что-то случилось-ось?

Уехала... Выходит, и тут я опоздал. Закрываю глаза, прижимаясь лбом к прохладной стене. Боль в висках нарастает, обостряясь до тошноты. Еще как случилось... Мы случились...

Глава 1

Глеб

– Доктор, вы уверены? – смотрю в серьезные глаза высокого седовласого мужчины и не хочу верить. Это же может быть ошибкой. Отец – сильный человек, он даже простудой не болел последние несколько лет. Какая опухоль?

– Глеб Александрович, уверен в таких вопросах может быть только Господь Бог. Я всего лишь излагаю вам факты.

– Но ведь можно что-то сделать? Операцию? Если вопрос в деньгах...

Он останавливает меня движением руки, качает головой, подавляя вздох.

– Деньги, к сожалению, не в любой ситуации могут помочь. И поверьте, мы делаем все возможное.

– Я могу пройти к нему? – и когда врач позволяет, почти бегом направляюсь в палату.

Все происходящее не укладывается в голове. Будто я вижу дурной сон и вот-вот должен проснуться. Хочу проснуться, но никак не получается.

Мы не то чтобы были близки с отцом. Последние годы – точно нет. Он упертый донельзя и живет по принципу: «Есть два мнения: мое и неправильное». Да и я – такой же. Особен-

но теперь, когда твердо встал на ноги и хорошо представляю, чего хочу от жизни. Спорили с ним часто, даже ругались. Но это все равно не значит, что я готов дать ему умереть! Должен сделать что-то, обязательно должен! Есть же какой-то выход, если не у нас, то за границей. Надо поговорить с врачом, пусть даст направление, и я сегодня же отправлю запросы везде, куда нужно. Из шкуры вывернусь, но найду выход!

Останавливаюсь в дверях, рассматривая лежащего на постели человека. Он кажется каким-то безнадежно далеким, совсем чужим. Не верится, что это мой совсем недавно полный сил и энергии отец.

– Проходи, Глеб, и убери с лица это жалостливое выражение. На кладбище потом будешь вселенскую скорбь изображать, а пока мне поговорить с тобой надо.

Не сдержавшись, хмыкаю: не совсем он сдал, раз еще позволяет себе такой тон. Сажусь на стул возле кровати, всматриваясь в бледнее, резко осунувшееся лицо.

– И не думал тебя жалеть. И что за бред про кладбище? Мы повоюем еще с тобой.

Отец кривит губы, не то сияясь усмехнуться, не то выражая недовольство.

– Брось, сын. Сказки детям рассказывать будешь, когда остепенишься, наконец, и перестанешь скакать по чужим койкам. А мне – не надо. Я знаю о своем состоянии и обсуждать его с тобой не собираюсь. Не за этим позвал.

Пока у него есть силы командовать, возможно, все не так

уж и плохо. Киваю, показывая, что готов слушать.

– Ты помнишь Люду?

Хмурюсь, перебирая в памяти женщин из окружения отца с таким именем. Несколько лет назад была секретарша Людмила, в прошлом году пару месяцев у него работала повариха, тоже Люда. Еще припоминаю какую-то Милу, с которой отец появлялся на светских тусовках. О ком конкретно идет речь?

– Я про жену мою, Глеб. Людмилу Антонову. Не верю, что ты мог ее забыть. Ты тогда школу заканчивал. Они с дочкой уехали незадолго до твоего выпускного.

А вот это уже неожиданно. Я был уверен, что про ту жалкую пародию на брак отец и не вспоминает. Да и мне что было помнить? Так называемые семейные отношения продлились от силы пару месяцев. Я и на улице бы эту женщину не узнал, если бы случайно встретил. Она появилась в нашей жизни слишком неожиданно, поселилась в доме на правах жены, а потом так же неожиданно исчезла. И за все эти годы отец ни разу о ней не вспоминал. Что же случилось сейчас?

– Зачем она понадобилась тебе вот так, вдруг?

– Я хочу, чтобы ты нашел Машу, – еще больше изумляет отец следующей фразой. – Дочку Люды, ну ее-то ты хотя бы помнишь?

Конечно, как не помнить! Малолетняя пигалица с двумя крысиными хвостиками вместо косичек. Постоянно ноющая и путающаяся под ногами, и без конца норовящая залезть в

мои вещи без всяких на то объяснений. Столько раз хотел отлупить ее за то, что совала нос, куда не надо. И реально вздохнул с облегчением, когда они с мамашей свалили из нашего дома. А вот имя ее как раз в памяти не сохранилось, но, судя по заявлению отца, она как раз и была Машей.

– Допустим. Только не понимаю, почему ты сейчас об этом говоришь. Зачем тебе понадобилась эта девица?

– Мне нужно, чтобы ты ее нашел, – повторяет отец. – Я пытался это сделать сам, но два года назад они переехали с прежнего места жительства, и их след потерялся. Боюсь, что теперь уже не успею.

Я опять хмурюсь: все-таки поддерживать разговор о смерти непросто.

– В нижнем ящике стола в моем кабинете черная папка, – продолжает отец. – Там все, что удалось узнать. Дай мне слово, что сделаешь это.

– Пап, я поговорю с врачом насчет иностранных клиник. Тебе обязательно помогут. Поправишься – и сам найдешь свою бывшую.

– Глеб, ты не понял? – отец повышает голос, приподнимаясь на локтях и на мгновение становится похож на себя прежнего: грозного, уверенного и твердо знающего, чего хочет. – Я бы не стал тебя просить, если бы мог справиться сам. Но уже слишком поздно. Помолчи, мне и так тяжело говорить! – обрывает мою попытку перебить его. – Просто сделай, что я прошу. Считай это моим последним желанием. Как хочешь.

Но пообещай, что выполнишь. В той же папке есть запечатанный конверт, отдашь его Маше, если я сам уже не смогу все ей объяснить. Но не раньше, понял? Я пока не оставляю надежды увидеть ее... перед смертью. Поторопись, сын.

Домой я добираюсь в мрачном расположении духа. По-прежнему не хочу верить в услышанное, и совершенно не готов прощаться с отцом. Врач так и не сказал ничего утешительного, да и на мое намерение отправить запросы в иностранные клиники отозвался без особого энтузиазма.

– Не хочу вас обнадеживать, Глеб Александрович. Вполне может оказаться, что вы только потратите деньги. И время. Его и так осталось ничтожно мало. Не лучше ли дать вашему отцу провести это время в кругу семьи? В покое, в любви?

– Хотите сказать, просто спокойно ждать, пока он умрет? Ничего не предпринимая? – я разве что рычать не начинаю. – По течению плывет только дохлая рыба, а мой отец пока жив! И я намереваюсь сделать все, чтобы он прожил как можно дольше! С вашей помощью или без нее!

Знаю, что перегнул палку. Эта клиника – одна из лучших в городе, а о лечащем враче отца в буквальном смысле слова ходят легенды: столько людей ему удалось поднять на ноги, спасая в, казалось бы, безысходных ситуациях. И раз сейчас он готов расписаться в собственном бессилии, значит, и правда дела – хуже некуда. Но я должен убедиться, что сделал все возможное! В том числе и по поводу странной просьбы отца.

Отказавшись от обеда, сразу же прохожу в кабинет, выуживая из ящика довольно увесистую черную папку. Целое досье. Даже не верится, что мой отец занимался такими вещами. Зачем ему сдалась баба, бросившая его столько лет назад? И ее дочь?

Да, мне неизвестны подробности, но то, что отец никогда не испытывал недостатка в женском внимании, знаю абсолютно точно. Три брака, не считая короткой, хоть и задокументированной связи с этой Антоновой. И еще целая вереница подруг, сожительниц и просто знакомых, которые нередко задерживались в нашем доме на ночь. Отец был видным мужчиной, а с его деньгами и связями за ним пошла бы любая.

Выплываю сквозь зубы ругательство, грохая кулаком по столу. Какого я говорю о нем в прошедшем времени?! Не был. Есть. Он поправится. Должен поправиться! А я пока найду ему эту беглую бабенку, зачем бы она ни была нужна.

Рассматриваю вложенные в папку фотографии, тщетно пытаюсь вспомнить хоть что-то. На снимках стройная, ухоженная блондинка. Явно крашеная, но этот цвет ей определенно идет. Умеет следить за собой, этого не отнять. По документам ей около пятидесяти, а выглядит гораздо моложе. Но до роковой красоты далеко, даже странно, обычно отец выбирает более ярких женщин.

А вот собранные сведения и правда весьма скупы. Последнее известное место жительства – город Петрозаводск, шесть

лет назад, а потом — будто в воду канули. Фамилия, конечно, совершенно не редкая, сколько таких Антоновых бродит по свету.

Переворачиваю страницу, всматриваясь теперь в фотографию девочки-подростка. Это уже не та пигалица, которая доставала меня в юности. Но все равно школьница. Темные волосы, хотя мне почему-то запомнилось, что она светлее. Очки в пол-лица. Вся какая-то угловатая, неуклюжая. Еще и ракурс ужасный, откуда ее только снимали, из-за кустов? Как же все это странно! Вот уж не ожидал, что батя решит заделаться детективом и заняться расследованиями.

— Ну и зачем ты понадобилась моему отцу, Маша? — задумчиво спрашиваю у девицы с фотографии. Она, разумеется, не отвечает. В собранных в папке документах тоже нет ни намека на нужную мне информацию. Только тот самый конверт, о котором мы говорили в больнице. Верчу его в руках, не в силах избавиться от какого-то странного ощущения внутри. Я чувствую тревогу. Отец что-то не договорил и явно неспроста взялся разыскивать перед смертью бывшую жену и ее дочку. Какие тайны скрывает эта бумага в моих руках?

«Хорошие мальчики не читают чужие письма, Глебушка» — в памяти оживает мамино лицо. И слова, сказанные целую вечность назад. Хорошим мальчиком я так и не стал, но вмешаться в доверенную мне чужую тайну не могу. Не хочу. Поэтому убираю конверт в сейф, подальше от посторонних

глаз, а с папкой собираюсь навестить своего старого приятеля. После ранения и рождения ребенка он ушел из органов, но связи остались. Может, и подскажет что дельное, потому что сам я даже примерно не представляю, где и в каком направлении копать.

Глава 2

Маша

Переворачивая все вверх дном в доме, я не на шутку злюсь. Ох, мамулька и постаралась. Это же надо было додуматься спрятать мой паспорт! Нет, в сказку, что она его переложила в надежное место, чтобы не затерялся, я не поверю по одной простой причине: знаю, что она всеми правдами и неправдами пытается удержать меня в Карелии.

Почему из всех городов, по которым нам пришлось кочевать, мать выбрала именно Петрозаводск, для меня остается загадкой. Хотя что это я, какие загадки? Все ясно, как белый день: она меня держит подальше от славного города Петербурга. И на мою мечту поступить в Университет Профсоюзов все время махала рукой, утверждая, что это нереально, бюджетных мест там мало, а на платную учебу наших средств не хватит.

Пришлось поступать в Петрозаводский универ, чтобы удовлетворить мамочку. Я, конечно, ее очень люблю, но и себя не меньше! Всегда была убеждена, что нельзя ни в коем случае запрещать детям мечтать и препятствовать их достижению целей.

Мама не хочет, чтобы я возвращалась в Санкт-Петербург.

На самом деле догадываюсь, какие у нее причины. Мне сложно разделять это мнение, ведь прошлое родителей не должно влиять на будущее детей. Поэтому и решила слушать маму, а делать по-своему. Документы подала в два университета, и, к моим удивлению и радости, приняли меня в оба, осталось только выбрать. Выбор очевидный, тем более что я уже упаковала чемодан для Питера. Остается только одна маленькая, но совсем немалозначимая деталь!

– Ну же, мама, куда ты могла спрятать мой паспорт? – упираю я руки в бока, нервно сдувая прядь волос, упавшую мне на глаза.

Разговаривать самой с собой – не очень хороший признак, но с учетом моего настроения можно сделать скидку на такое не очень адекватное поведение.

Все же несправедливо, мама, значит, со своей группой по йоге бюджетно поехала в Индию заниматься самопоиском, а дочь должна на свои мечты забить большой и толстый болт и воплощать в жизнь не собственные, а материнские мечты. Ну уж нет, мамуль, я фотографии люблю и хочу в Питер, где белые ночи, разводные мосты и необыкновенная архитектура – полный букет для будущего профессионала художественной фотографии. Это я о себе сейчас, если что!

– Так, так так... Посмотрим, что у нас тут имеется! – продолжаю я размышлять вслух. Интересная коробочка, прежде ее не видела. Неужели мама что-то прятала от меня? И зачем? Затаив дыхание, я цепляю пальцами крышку, вскрывая

пластиковый сейф.

– Ну вот же он, мой родненький! – быстро хватаю свой паспорт, на радостях чмокая красную обложку.

Но я была бы не я, если бы не взялась рассматривать дальше. Что у нас тут интересного? Письма? Конечно, я помню, что читать чужие письма – не просто некрасиво, это нарушение границ. Поэтому откладываю их в сторону: как бы у меня ни чесались руки, не собираюсь нарушать тонкую грань личного пространства. По одной простой причине: сегодня я – завтра меня.

Продолжаю копаться дальше, выуживая из вороха старых бумаг листик плотного картона и зависаю, рассматривая его.

– Что это у нас тут такое? Чья фотография?

Закусив губу, пытаюсь вспомнить, где могла уже видеть этого красивого статного мужчину. Что за отголоски прошлого? Повернув снимок, задерживаю дыхание, читая выведенные незнакомым строгим почерком слова: *«Моей любимой жене»*. Да неужели?!

Следом достаю из коробки целую стопку старых вырезок из журналов и газет с кричащими заголовками о достижениях какого-то там Медведева.

– Папа? – произношу дрожащим голосом, поднимая голову и рассматривая свое растерянное выражение в зеркале напротив.

Я знаю, что моя мама скрывает от меня настоящего отца. Когда живешь под одной крышей с человеком на протяжении

нии жизни, постепенно складывается нарисованная им картина. Достаточно найти кусочки пазлов и соединить их. Человек на фотографии мне знаком, однако при этом остается совершенно чужим.

К тому же, уверена, что его полстраны знает, не я одна. Поэтому довольно сложно сказать, лицо, мелькающее в сознании, – это воспоминания из реальной личной жизни, или все-таки память подбрасывает ложные картинки, и этот знакомый многим дядя для меня – посторонний человек. Все бы ничего, но вот именно подписанная фотография заставляет склоняться к первому варианту.

Прихватив снимок вместе с паспортом, я ещё раз осматриваю комнату, соображая, не забыла ли чего, и выкатываю чемодан. Проверяю билет в сумке, закрываю дверь на ключ и направляюсь в новую жизнь.

Путь в эту новую жизнь занимает целых восемь часов: я пожалела деньги на Ласточку, а вот обычный поезд для меня – в самый раз.

Питер встречает ужасной погодой, несмотря на то что еще только конец лета. С чего начинать и куда податься? Конечно, у меня есть кое-какие сбережения, но все равно позволить себе жить на широкую ногу я не могу. Надо найти съемную квартиру или комнату, или, на крайний случай, место в общежитии. Времени у меня до вечера несколько часов, если ничего не найду, придется жертвовать собой, принимая

предложение погостить у одной из подруг из социальных сетей. Надеюсь, до этого не дойдет!

Покупаю газету и начинаю просматривать объявления, помечая фломастером то, что может мне пригодиться.

«Строительная фирма «МГ-строй» Медведевых набирает персонал в рекламный отдел. Работа в офисе и онлайн на дому».

Из всей фразы в первую очередь отмечаю возможность работать онлайн – для меня это было очень кстати: подработать в свободное от учебы время. И только потом замечаю название компании и фамилию, о которой читала совсем недавно.

Поверить не могу, что найти желаемое удастся так просто! Мало того, что я практически сразу нахожу предполагаемого отца, так в придачу в его компании нужны сотрудники, а мне – работа.

Ну что же, это прямо-таки судьба! Хотя, если честно, даже не знаю, что с этой судьбой делать! Прямо заявиться и сказать: привет, папа, это я – Маша? Или устроиться на работу и тихо за ним понаблюдать?

Понять бы еще, что мне нужно на самом деле. Скорее всего, просто ответов. Если только предположить, каков масштаб его деятельности, и поверить в ту информацию, которой щедро пестрит Интернет, человек он далеко не бедный. Почему же тогда мы с мамой перебивались всю жизнь? Или, может, он меня не признал?

Шквал навалившихся вопросов беспощадно давит на вис-

ки, и я понимаю: лучше остаться без желанной работы, но зато с ответами.

Кроме того, объявления в газете помогают обнаружить информацию только о предполагаемом отце, но вот с квартирой так ничего и не решается. Как раз здесь Судьба не торопится вмешиваться, и все обстоит гораздо хуже. Цены на съемное жилье такие, что мне в городе и недели не протянуть. А с комнатами вообще что-то непонятное: в объявлениях вроде бы и есть кое-что стоящее, но разговор по телефону с хозяевами, мягко говоря, настораживает. Видимо, все же придется позвонить подруге и временно воспользоваться ее предложением погостить. По крайней мере, пока не найду что-то более подходящее по цене и условиям.

Продолжая сомневаться, все же достаю мобильный телефон и отправляю сообщение. С Таней мы ведём переписку года два, прежде никогда не встречались, только делились своим фотографиями и болтали обо всем на свете.

Не хочется, конечно, врываться в ее пространство, учитывая то, что она живет с мамой в двухкомнатной квартире, третий точно будет лишним.

Звонок на мобильный вырывает из мрачных мыслей. Ну и погодка, не успела приехать, а настроение под стать темным серым тучам.

– Так, подруга, и слышать не желаю о том, что ты думаешь по поводу «не хочу вас с мамой стеснять» – зачитывает Татьяна мои строки, коверкая голос.

Усмехнувшись ее манере убеждения, я отвечаю:

– И тебе привет, Танюш! Ну, ты же должна понимать, дружба дружбой, а пользоваться другими и искать выгоду я не умею и не намерена. Так что, если примешь меня, это буквально на пару дней, пока не определюсь с жильем.

– Приму, конечно. Тебе повезло, у меня двуспальная кровать, так что спать придется даже не на полу! – весело хмыкает она в трубку.

Ну вот, не сразить грозными тучами положительную и солнечную подругу! С ней и серый день засияет ярче. Я тоже улыбаюсь и заявляю:

– Ты настоящее солнце. Так, подскажи-ка, куда мне двигаться? Я как бы на вокзале стою, мерзну, – уточняю, уже предвкушая наши вечерние посиделки. Наверно, не помешает тортика прикупить и мои любимые конфеты с ликером.

– Сейчас все будет! Скину и адрес, и геолокацию на случай, если навигатор тебя не в ту степь заведет, с него станется!

Наболтавшись, я отключаюсь, открывая приложение и просматривая маршрут. Пока рассчитываю дорогу, возле меня останавливается запыленная машина с затемненными стеклами.

– Эй, девушка-красавица, садись подвезу! – явный южный акцент, впрочем, как и внешность, говорят сами за себя. Стремный парень на стремной машине.

– Спасибо, я ножками, полезно, – делаю шаг, чтобы обой-

ти автомобиль сзади, да не тут то было: товарищ оказывается настойчивым. Резко сдает назад и, поравнявшись со мной, продолжает:

– Не бойся, я не кусаюсь! – скалился он. И я больше чем уверена, вот этот кривой оскал принимает за приветливую улыбку.

– А вот я кусаюсь! Да и крепостное право отменили, так что свободен! – пытаюсь обойти автомобиль, но наглец продолжает сдавать назад, преграждая мне дорогу.

– Ты че храбрая такая, хамишь?

– Послушай, я даже не начинала! – немного наклонившись, так, чтобы он видел отчетливо мои глаза, продолжаю: – Ты когда-нибудь комбинацию из трёх пальцев встречал? Отвали, что непонятного, не то полицию позову! – на полном серьезе обещаю ему.

– Дура! – бросает он, ударяя по газу.

Ну, здравствуй Питер! Это что только что такое было? Хотя, конечно, наглых и невоспитанных людей везде хватает, тут уж ничего не поделаешь.

Спускаясь по эскалатору, изучаю на телефоне схему метро, заранее просчитывая маршрут до нужной станции. Лишний раз убеждаюсь, что задерживаться у подруги надолго точно не стоит: универ на другом конце города, зачем мне такие сложности и потери времени? Да и предлог будет побыстрее от нее съехать.

Интересно, а где находится офис Медведевых? Продол-

жаю изучать карту и не могу удержаться, чтобы не хмыкнуть. Надо же: самый центр, набережная Мойки. И метро Адмиралтейская рядом совсем, а я как раз хотела там побывать. Забавно: офис как раз посередине между домом подруги и универом. А мне бы не помешала квартирка на Садовой! Снова хмыкаю и осаждаю себя: раскатала губу! Ладно, мечты в сторону, а вот заглянуть в офис этих Медведевых не помешает. Прямо завтра. Там, глядишь, и найду ответы на все мои вопросы.

Глава 3

Глеб

– Котик, ну как же так? – Ирина обиженно дует губы. – Я надеялась, что ты останешься у меня. Мы столько дней не виделись!

– Ир, я же просил так меня не называть, – отнимаю ее руки от своей груди, не позволяя расстегнуть пуговицы на рубашке. Нашла время! И это после того, что рассказал ей об отце. Специально заехал после больницы. Очередной разговор с врачом настолько расшатал меня, что захотелось... сам не знаю, чего. Нет, не секса – сейчас не до этого было. Понимания. Участия. Я на какое-то время будто вновь стал беспомощным мальчишкой, отчаянно нуждающимся в поддержке. Но, видно, взялся ее искать совсем не там, где нужно.

– Ну-у-у, котик, не вредничай. Мне нравится так тебя называть, ты же знаешь. И не переживай, твой отец сильный, он справится. В любом случае он вряд ли хотел бы, чтобы ты из-за него лишал себя радостей жизни.

Зря я в самом деле приехал. Она не слышит, а у меня нет желания что-то доказывать. Поправляю, стягивая на груди, шелковый халатик, который так и норовит сползти с ее плеч. В эту ночь хочу остаться один. Секс – отличное средство от

стресса, но не сейчас.

– Я позвоню, Ир, – отодвигаю девушку от себя и направляюсь к двери, не обращая внимания на возмущенные возгласы за спиной.

Спускаюсь к машине, но уезжаю не сразу: сижу, всматриваясь в темноту прохладного августовского вечера.

Состояние отца ухудшается. Он сдает просто на глазах, и каждая новая встреча шаг за шагом приближает к тому, чтобы поверить в прогнозы врачей. Сегодня вообще не узнал меня. Задержал на моем лице мутный, затуманенный болью и лекарствами взгляд, беззвучно пошевелил губами – и равнодушно отвел глаза. Будто я ничем не отличался от стойки с капельницей или многочисленных приборов, выставленных возле кровати.

Из иностранных клиник тоже никакой утешительной информации не поступило. Никто не давал гарантий. Да какое там гарантий – отца вообще не хотели брать на лечение. Сколько раз я слышал за эти дни слова «Слишком поздно» – не посчитать!

Вытаскиваю телефон и набираю номер Рогожина. Поздно для звонков, но я не в том положении, чтобы беспокоиться о режиме дня.

– Вась, прости, что поздно. Удалось что-то нарыть?

– Не много, – признается друг. – Информация такая скудная, что сдается мне, твоя Антонова специально скрывается. Петрозаводск – город не маленький, но все же затеряться там

не так уж легко. Если только не ставить себе подобную цель.

– А какой ей смысл скрываться? – пожимаю плечами. Рогожин в курсе ситуации, я все ему рассказал. И он, так же, как и я, не знает ответа на этот вопрос. – Десять лет прошло, Вась. Они не созванивались, не переписывались. Я перетряс весь дом, все бумажные письма, которые отец сохранил. В компьютере его почтовые ящики до единого пролистал. Нет от нее ничего. И не было. Да и он не писал.

– Ну, знаешь, – хмыкает в ответ друг. – Я за время работы чего только не видел. Раз он ее ищет, значит, нужна. И обратное тоже верно: раз скрывается она, значит, есть, что скрывать. Но не переживай, мы и не таких находили. Время просто нужно.

– Времени-то как раз и нет, – мрачно отзываюсь, мысленно посылая далеко не самые добрые пожелания этой особе, из-за которой столько сложностей. Чем же все-таки она зацепила моего отца?

Телефон вибрирует, уведомляя о звонке с другой линии, и я узнаю номер лечащего врача. И каким-то шестым чувством улавливаю то, что сейчас прозвучит. Зажмуриваюсь, стискивая руль так, что немеют пальцы, вслушиваясь в сдержанный извиняющийся голос.

– Глеб Александрович, вашему отцу стало хуже. Мы делали все, что могли, но...

– Он...? – не решаюсь произнести это вслух, но доктор понимает, прерывая меня.

– Нет-нет, он жив. Но состояние значительно ухудшилось, мы были вынуждены ввести его в медикаментозную кому. Боюсь, я не смогу дать вам никаких обнадеживающих прогнозов.

С размаху ударяю по рулю, выплескивая накопившееся внутри напряжение. Ну нет, кома – это еще не смерть. И не значит, что я сдамся! Медведевы так не поступают. Отец именно этому всегда меня учил. Я буду не я, если так просто уступлю его старухе с косой! Лучше найду беглую женушку с ее дочуркой. И плевать, что при мысли об обеих становится тошно. Если их появление поможет ему выкарабкаться, из-под земли достану и собственноручно приволоку в палату.

Вернувшись домой, снова вытаскиваю папку с собранными отцом документами. Они пересмотрены уже бесчисленное количество раз, но опыт работы в компании научил, что всегда может остаться что-то такое, на что не обратил внимание вначале. Какая-то незначительная деталь. Мне нужна зацепка, любая. Тоненькая ниточка, за которую я смогу потянуть, чтобы распутать этот клубок длиною в несколько лет.

– Глеб Александрович, я вам чай принесла, раз ужинать не хотите, – в дверях кабинета останавливается домработница. Смотрит с явным сочувствием, а еще немного осуждающе: прямо ощущаю, как дрожат у нее на губах слова о том, что я совсем себя не берегу. Не высыпаюсь, не ем, как следует. Светлана в нашем доме уже так давно, что стала почти что

членом семьи. Повидала всякого. Отца искренне любит, да и со мной столько возилась, пока был ребенком.

Я задумываюсь: в какой момент она стала звать меня по имени-отчеству? Раньше ведь Глебушкой был, потом просто Глебом. А от этого официоза подчас зубы сводит оскоминой. На работе привык, а здесь...

– Света, а вы помните Людмилу? Жену отца? – глупо, наверно, расспрашивать ее об этом, отец наверняка давным-давно выяснил все, что можно было. Но что я теряю? Сейчас важна любая информация, а Светлане по должности положено замечать все на свете.

Ее брови взлетают в изумлении.

– А почему вы спрашиваете? Столько времени прошло.

– Да так, попались кое-какие старые фотографии. Понял, что в биографии отца есть страницы, о которых почти ничего не знаю. Или не помню. Они же совсем недолго были женаты, верно? Да вы присаживайтесь. Может, и чай попьете вместе со мной? Как раньше.

Она склоняет голову, изучающе рассматривая меня.

– Последний раз вы просили попить с вами чай в тот вечер, когда хотели, чтобы я помогла спрятать дневник с двойкой.

– Правда? – я совершенно этого не помню, а вот к ней, похоже, обратился по адресу. Не может быть, чтобы ее память не сохранила каких-то важных для моих поисков деталей.

– Чистая, – подтверждает Светлана и лукаво улыбается. –

Сейчас вы тоже что-то натворили?

– Нет, только собираюсь, – усмехаюсь в ответ, поднимаясь из-за стола. – Знаете что? Я передумал насчет ужина. Только вы мне составите компанию, и мы поговорим.

– Всегда был манипулятором, – уже в открытую смеется женщина, но я знаю, что это сработает: накормить меня – ее постоянная непроходящая мечта.

Спускаемся в кухню, и когда она ставит передо мной внушительных размеров порцию, возвращаясь к интересующему меня вопросу:

– Так что насчет Людмилы Антоновой?

– Хорошая была женщина, – задумчиво произносит Светлана. – И очень любила Александра Ильича! Жаль, что так все вышло у них. Вернее, не вышло.

– Любила? – переспрашиваю я несколько озадаченно. Странная любовь, от которой приходится бежать в другой город, еще и скрываться так тщательно. – Они же совсем недолго были женаты. Вряд ли за это время могли появиться какие-то серьезные чувства.

Видеть снисхождение в глазах пожилой женщины мне даже немного неловко. Будто я не взрослый мужик, стоящий во главе огромной компании, а нашкодивший школьник, которому и правда надо спрятать дневник с двойкой.

– Ох, Глеб Александрович, да при чем же здесь время! Иногда и нескольких дней достаточно, чтобы понять, вот он: твой самый главный человек. Вот и у вашего отца так было

с Людочкой. Увидели друг друга – и влюбились без памяти.

– Ну да, – хмыкаю я в ответ. – А потом что? Семейная лодка разбилась о быт? Или почему неземная любовь так быстро испарилась?

– Обидел он ее сильно! – женщина делает вид, что не замечает мой сарказм. – Вот и уехала Люда и девочку свою с собой забрала. А ведь малышка привязалась к вашему отцу, как к родному! Ох, жаль, жаль!

– Чем обидел? – останавливаю я ее причитания. Этот рассказ напоминает дешевую мелодраму. Пылкая любовь, непрощенная обида... Еще бы придумала, что эта Людмила до сих пор страдает от тоски по моему отцу, а ее девчонка тайком хранит воспоминания о старшем сводном брате и мечтает о встрече. Усмехаюсь своим мыслям, понимая их беспочвенность, и снова уточняю у Светланы: – Что именно он сделал?

– Вот этого не скажу! – пожимает она плечами. – Знаю, что поссорились они, очень крупно, Алексей Ильич в сердцах дверью хлопнул, да уехал куда-то. А Людмила заперлась в комнате и проплакала весь вечер. А потом собрала вещи, свои и дочкины, вызвала такси и уехала.

– И совсем ничего вам не сказала? – утоняю недоверчиво. – Вы так о ней говорите, словно были подругами.

– Она относилась ко мне с теплом, но нет, подругами мы стать не успели, – Светлана вздыхает. – А в тот вечер не сказала ничего. Не до меня ей было, бедняжке. Так плакала, так

плакала! Не хотела она уезжать! А отец ваш, Глеб Александрович, и вовсе не оправился после ее отъезда. И никакую другую женщину не смог больше полюбить.

Разговор со Светланой не только ничего не проясняет, но еще добавляет вопросов. Я слишком хорошо знаю отца и то, как он не любит уступать. И отдавать свое. Будь бывшая жена ему действительно дорога, он ни за что бы не отпустил ее.

Да и Людмила эта, если так сильно любила, то зачем сбегала? Простить не смогла? Такое было бы возможно, если бы отец ей изменил. Но как можно изменить тому, кого любишь?

Я хмурюсь от обилия загадок, так и не решив, что делать дальше. Ночь давно вступила в свои права, но уснуть не удастся. Очень хочется напиться, но и это не выход, тем более что завтра нужна ясная голова. Не собираюсь терять ни дня, пока отец в таком состоянии.

В офис приезжаю невыспавшийся и злой. Отменяю все встречи и усаживаюсь за бумаги: давно нужно навести порядок в старых документах. Конечно, это не самое лучшее для текущего положения дел компании, но зато потом не придется жалеть о принятых поспешно и сгоряча решениях.

Работа помогает отвлечься, но видеть по-прежнему никого не хочу. Оттого и воспринимаю с недовольством шум в приемной, какой бывает, только когда туда заявляется кто-то из недовольных клиентов. Но мой офис-менеджер для то-

го и получает деньги, чтобы решать эти проблемы. И лучше до того, как я о них узнаю.

Но, похоже, не в этот раз. Дверь кабинета распахивается, и на пороге появляется незнакомая девушка. Запыхавшаяся, с горящими глазами и румянцем на щеках. На улице пока не слишком-то холодно, а значит, раскраснелась она от возмущения. Смотрит на меня с таким видом, будто я только что выпустил на волю ее любимого попугая.

За спиной маячит виноватое лицо Лизы.

– Глеб Александрович, я предупреждала, что вы заняты! Говорила, что к вам нельзя, но она и слушать не захотела!

– Оставь нас, – киваю помощнице. Меньше всего на свете хочу вести сейчас какие бы то ни было разговоры, но весь облик посетительницы кричит о том, что уходить она не собирается. Ладно, послушаем, что надо, выставить ее я всегда успею.

Дверь закрывается, и мы остаемся вдвоем. Девушка молчит, а я внимательно разглядываю ее. Красотка. Совершенно неуместное замечание, но ни один нормальный мужик не смог бы не отреагировать на нее. Вот и я... реагирую. Судя по строгому взгляду и сведенным бровям предстоящий разговор не сулит ничего хорошего, а мне внезапно становится жаль, что мы встретились в моем кабинете. Были бы сейчас в баре, ничто не помешало бы угостить ее напитком или пригласить потанцевать. Последнее нравится как-то особенно сильно. Я почему-то уверен, что она потрясающе двига-

ется. Наверняка пластичная, гибкая, от ее движений в танце завелся бы так, что...

Хотя я и так завелся. Понимаю, что не просто пляжусь на незнакомку, но уже почти раздел ее глазами и совершенно не прочь действительно отправиться в какой-нибудь бар, а еще лучше – туда, где есть отдельные вип-зоны.

Отлично, Медведев! Вот не уехал бы вчера от Ирины, сейчас бы не пускал слюни из-за совершенно незнакомой девицы. Еще и воинственно настроенной.

– Чем обязан? – решаю все же отвлечься на разговоры. Надо выяснить, зачем она явилась, а уже потом думать, что делать дальше.

– Я пыталась устроиться на работу в вашу компанию, – заявляет она. Сверлит меня глазами. – Но мне отказали!

Пожимаю плечами.

– Сочувствую. Но уверен, у менеджера по кадрам были основания так поступить. Значит, вы нам не подходите.

Она возмущенно приоткрывает рот и облизывает губы, демонстрируя кончик розового язычка. *Твою ж мать!* В штанах становится так тесно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не застонать.

– Как можно отказывать человеку, с которым вы даже не знакомы?! Я уверена, что идеально подхожу для этой должности!

Да, с сомнением у нее проблем точно нет. Люблю таких женщин. Знают, чего хотят и с ними никогда не бывает

скучно. Правда, сейчас это ее достоинство вообще ни разу не важно.

– Я привык доверять своим сотрудникам, а не незнакомым дамам, бесцеремонно врывающимся в мой кабинет. Всего доброго.

– То есть вы мне тоже отказываете?

Мне чудится двусмысленность в ее словах, и хочется ответить совсем другое. Но сейчас не нужны не только новые отношения, но даже короткая интрижка. Слишком много проблем и требующих моего внимания вопросов. Поэтому утвердительно киваю и демонстративно утыкаюсь в бумаги, надеясь, что девица сделает правильные выводы и уйдет.

Но не тут-то было. Она не только не собирается покидать кабинет, напротив, подходит к моему столу, останавливаясь совсем рядом, так что я ощущаю сладковато-пряный аромат ее духов. С грохотом отодвигает стул и усаживается напротив меня.

– Я никуда не уйду!

Вроде бы должен разозлиться на нее и выставить за дверь, но внезапно понимаю, что девчонка мне нравится. Таких не встречал давно. А может, и вообще никогда. Смелая, дерзкая, уверенная в том, что делает. Это определенно производит впечатление. На собеседование явилась, а ведет себя так, словно это я к ней на работу прошусь.

Но и сдавать позиции быстро – не в моих правилах. Тем более, раз ей действительно уже отказали в работе, значит,

на то были какие-то причины. Не хочу подрывать авторитет сотрудников отдела кадров.

– Оставайтесь, раз не хотите уходить, – заявляю в ответ девице, продолжая заниматься своими делами. – Могу предложить чай или кофе. Своего внимания не обещаю, у меня сейчас другие планы.

Такого она явно не ждет. Мне и лица ее видеть не надо, чтобы понять: девочка ошарашена. Нажимаю на кнопку секретора, вызывая помощницу.

– Лиза, будьте добры, принесите нашей гостье... – только сейчас поднимаю на ту глаза, – что вы предпочитаете?

Так и есть: ошеломлена, озадачена и понятия не имеет, как вести себя дальше. Что ж, отлично: люблю выигрывать, особенно у таких красивых кошечек.

Но девушка слишком быстро собирается, преодолевает свое очевидное смятение и выдает мне:

– Я сюда не кофе пить пришла, а на работу устраиваться. Хочу, чтобы вы меня выслушали. Нельзя отказываться от того, что не знаете!

– Ну и чего же я не знаю? – уточняю, пряча улыбку. Забавная она все-таки! Вот на что рассчитывает, измором взять?

– Я подхожу вам по всем параметрам! – с пафосом заявляет она, и мои мысли опять съезжают совсем не в ту сторону. Мне-то, может, и подходит. И все ее параметры я совершенно не против изучить. Даже представляю, более чем отчетливо, как именно стал бы изучать.

Хорошо, что между нами стол, и я сижу: так, по крайней мере, есть возможность скрыть стояк. Правда, сдерживаться все сложнее, хочется сказать и сделать совсем другие вещи.

– В нашем городе сотни вакансий, связанных с рекламной деятельностью. Почему вас заинтересовала именно наша компания?

Сам не могу понять, чего добиваюсь. Хочу узнать, какие еще аргументы она может подобрать? Или до сих пор не выставил, потому что мне просто нравится на нее смотреть?

– Она одна из самых крупных и достаточно успешная, а это означает перспективу карьерного роста. Не хочу разминаться по мелочам!

Еще и амбициозна. Я усмехаюсь, переводя взгляд на папку в ее руках. Там наверняка собрана информация обо всех достижениях, начиная со школьной скамьи. Не удивлюсь, если она и грамоты за отличную учебу туда вложила.

– Ну, давайте познакомимся, для начала, – заметив торжествующую улыбку на лице девицы, тут же поясняю: – Только не обольщайтесь, это вам абсолютно ничего не гарантирует. Элементарная вежливость с моей стороны, я привык понимать, с кем имею дело.

Девушка почему-то щурится, и ее улыбка приобретает совсем иной оттенок.

– Мария... – и после небольшой паузы добавляет, – Медведева.

Неожиданно. Не то, чтобы моя фамилия была редкой, но

не припомню в компании других работников с такой же. И не уверен, что хочу, чтобы они появились.

– Так мы с вами однофамильцы? Что ж, это в некоторой степени объясняет вашу напористость, у Медведевых такое в крови.

– Нет, не однофамильцы, – девица склоняет голову набок, вызываясь глядя на меня. – Я в некотором роде... ваша сестра.

Глава 4

Маша

Добравшись до виртуальной подруги, я нисколько не жалею о том, что напросилась погостить. Татьяна явно ждала меня, приготовив праздничный ужин и освободив нижнюю полку в шкафу.

После того, как мы проболтали полночи, обсуждая планы на будущее, я забываюсь в беспокойном сне. Это неизбежно сказывается: утром чувствую себя разбитой и совершенно не отдохнувшей. Настроение в итоге паскудное, будто сговорилось с погодой, так как и она, родненькая, совсем не радуется. Сырость вкупе с холодным ветром и свинцовыми тучами добавляет тяжести на душе. Позавтракав на скорую руку, я убегаю, предупредив, чтобы меня до вечера не ждали.

Дел неспорно: надо найти жилье, съездить в университет, но первым делом я решаю забежать в гости к Медведевым. Понимаю, что просто не смогу сконцентрироваться на остальном, пока не узнаю хоть толику правды.

Закинув голову вверх и укрываясь зонтом, рассматриваю красивое здание, в котором находится главный офис Медведевых.

План мой прост, но коварен: взять штурмом главный ка-

бинет в компании, а точнее, кабинет моего папочки. Не составляет большого труда выяснить, где этот кабинет находится, как и прорваться сквозь оборону преданной секретарши.

Я врываюсь в святые святых с предлогом устроиться на работу и обвиняя ни в чем не повинный кадровый отдел, куда даже не заглядывала, в том, что меня не приняли на работу. Но тут-то меня поджидает нечто неожиданное. Вернее, некто. Сам Медведев.

За огромным дубовым столом я вижу красивого brutального мужчину, который ведет себя спокойно и выдержанно. Меня незамедлительно посещает мысль о том, что он слишком молод и в отцы мне точно не годится.

Значит, братишка собственной персоной. Да в принципе и в журналах он выглядит так же шикарно, как и вживую.

Но есть еще кое-что. Он буквально раздевает меня своим пристальным горящим взглядом. Или это только кажется? Тогда как понимать его бравую сговорчивость, которая перешла в приглашение угоститься чаем?

Мужчина очень даже ничего, я бы даже сказала: слишком хорош собой. А вот моя реплика о том, что он мой брат, его, несомненно, озадачивает.

– В некотором роде моя сестра, – задумчиво повторяет мужчина, будто пробуя каждое слово на вкус.

При этом его взгляд продолжает исследовать меня, будто прощупывая на вшивость и искренность.

– Она самая, – подтверждаю с уверенностью.

Медведев провокационно хмыкает:

– Очень интересно, и, главное, вы совсем не похожи на ту малявку с куцыми косичками, которую я помню, – откидывается в кресле и таким же безапелляционным тоном добавляет: – И у моей сводной сестрицы фамилия другая.

– Ага, Антонова, – соглашаюсь, имитируя его тон и беря со стола зажим для бумаги, – Мамина девичья фамилия. Нет, я, конечно, не собираюсь навязывать свое общество, можете спать спокойно. Я вас изводить сестринской любовью не буду, а вот с отцом не прочь встретиться. Много вопросов накопилось.

Ого, да я, кажется, сумела привлечь к себе внимание, о чем отчетливо сообщают взлетевшие вверх брови и ставший вмиг колючим взгляд холодных серых глаз.

– Паспорт, – требовательно протягивает мужчина свою ладонь, случайно касаясь при этом моей руки.

По позвоночнику проходит электрический разряд, вызывая море противоречивых ощущений. Я быстро одергиваю руку и растерянно уточняю:

– Зачем?

– Затем! После того как отец попал в больницу и находится на волоске от смерти, бог знает, сколько вас еще припрется, желающих доказать свое родство! – жестко выплевывает он, и я начинаю его тихо ненавидеть.

Смотрю, пытаюсь разобраться в своих чувствах, и понимаю, что меня затягивает в воронку ненужного и непозволи-

тельного для нас обоих интереса.

– Не верите? – вздергиваю вопросительно брови.

Не отводя глаз, на ощупь нахожу в сумке паспорт и в буквальном смысле кидаю на стол, прямо под нос Медведеву. Его очередной колкий взгляд и откровенно брошенный вызов придают мне сил, и я улыбаюсь, изо всех сил стараясь не трястись, как осиновый лист. Девочка я, конечно, храбрая, да только Медведев-младший тоже, похоже, с трудом сдерживается, чтобы не схватить меня и не отшлепать по мягкому месту. Опускаю взгляд на его руки и внезапно представляю их на своих ягодицах. Опешив от таких размышлений, трясую головой, прогоняя соблазнительные картинки. Каким образом мои мысли перетекли совершенно в другое направление, остается загадкой.

Мужчина же раскрывает паспорт, внимательно его изучая.

– Могу я задать вопрос? – поднимает он свой настороженный взгляд и продолжает, не дождавшись моего ответа: – Почему вы все это время скрывались? Причем очень умело, даже фамилию сменили!

– Почему же сразу сменили? – смело смотрю в глубину непроницаемых красивых глаз.

Весь вид его говорит, нет, кричит о том, что он – хищник! Стоит только оступиться – и я окажусь в его лапах.

– Насколько мне известно, когда поженились родители, твоя мама не взяла фамилию мужа, – заявляет он. – Так по-

чему сделала это потом? Есть два варианта: либо мы просто однофамильцы, или же твоя мать придумала ловкий способ, как скрыться, чтобы ее не нашли, поменяв фамилию на ту, по которой мой отец в жизни бы не додумался ее искать.

Не верит, но это и не удивительно, я сама не могу принять до конца все происходящее. Вытаскиваю из сумки старую фотографию и показываю ее Глебу.

— Понятно, — он мрачно смотрит сначала на фото, а потом на надпись с обратной стороны, — Фотография матери есть? — поднимает на меня свои глаза.

— А то! — достаю свой старенький смартфон с треснувшим стеклом и протягиваю прямо ему.

На его лице проскальзывает нечто, похожее на улыбку. Я не могу понять, хорошо это или плохо, и жду дальнейших слов или действий.

— Красивая у тебя мама и почти не изменилась с тех пор... Скажи, ты знаешь причину ссоры между нашими родителями? — мужчина поднимается из-за стола, обходит его, направляясь к дубовому шкафу, в котором находится небольшой бар. Вынув бутылку виски, смотрит на меня и с насмешкой уточняет: — Будешь, или ты у нас несовершеннолетняя?

Пропуская его реплику мимо ушей, я выпаливаю волнуемый меня вопрос:

— Глеб, скажи, ты же помнишь и меня, и маму, неужели тебе ни разу не захотелось найти сестру? Мы ведь не чужие!

— Так, стоп! — он повышает тон, прерывая меня. — Деточка,

отец вас искал, а вот я, не скрою, не интересовался. Мы с тобой не родные и не кровные, а всего лишь сводные. Да и брак между нашими родителями продержался всего ничего. Так что прости...

– Как не кровные? – в изумлении восклицаю я. – Разве Александр Медведев не мой родной отец?

Закрываю глаза и подавляю горький вздох. Почему мне самой эта мысль не пришла в голову? Такой вариант я даже не рассматривала. А что, если он говорит правду? Какой смысл от меня что-то скрывать? Или дело в наследстве? Ведь он говорил про больницу... Что там с отцом случилось?

– Так, понятно, не веришь! – отставляя бутылку в сторону, Медведев-младший хватает меня за руку и тянет к выходу.

– Куда ты меня тащишь? – пытаюсь я возмущаться, обалдевшая от такого напора, но ответ мужчины шокирует меня еще больше:

– К отцу, он будет рад узнать, что ты нашлась. Собираюсь выполнить его просьбу и очень надеюсь, что после твоего появления ему станет лучше!

Цепкая, крепкая рука сжимает мою ладонь. Продолжая поражаться реакции своего тела на это касание, я растерянно семеню за мужчиной в подземную парковку.

В лифте, где пространство два на два, мне становится нечем дышать: властная осанка Медведева и такая же, не менее властная энергетика, заставляют трепетать и подчиняться. Глубоко вдыхаю, и в ноздри ударяет запах дорогого пар-

фюма, щекочущий не только нос, но и нервы. Слишком лакомый запах исходит от этого человека, пробуждая древний, как мир, инстинкт соблазнительницы. *Неужели обоняние играет такую огромную роль? Судя по всему, да. Запахи и всякие там феромоны, безусловно, влияют на половую мотивацию людей. Бог ты мой, о чем я думаю?!*

Тряхнув в который раз головой, пытаюсь прогнать незваные мысли.

– Ты в порядке? – смотрит на меня Глеб, подозрительно нахмурившись.

– Да, просто некомфортно в лифтах, – веду плечом, стараясь успокоиться и освободиться от ненужных острых ощущений. Так ведь и порезаться недолго!

– Страдаешь клаустрофобией? – нависает он своей огромной спортивной фигурой, окончательно вгоняя меня в панику.

– В каком-то смысле да! Отойди немного, мне нечем дышать, – прошу, прикладывая ладонь к его груди в попытке подвинуть. Зря я это сделала, ох, зря! Биение сердца отчетливо прощупывается под белоснежной рубашкой, скрывающей широкую накаченную грудь. Поднимаю свой взгляд – и глаза буквально расширяются от понимания, что мужчина пожирает меня своим взглядом, стиснув челюсти. Резко одергиваю руку и мямлю что-то невразумительное, типа «я не хотела». К моему спасению, как раз в этот момент двери лифта разъезжаются в разные стороны.

Выскакиваю первой, мысленно ругая себя, приказывая немедленно собраться и не паяться, как помешанная, на Глеба.

– Какая твоя? – смотрю на ряд черных иномарок различных моделей.

– Все, выбирай, на которой хочешь покататься, – безразлично отзывается Медведев, окидывая меня равнодушным взглядом. Ничего себе, вот это контроль! Где тот жадный поглощающий взгляд, который я только что видела в двух квадратных метрах?

– Все равно, я не очень разбираюсь в марках машин, – стараюсь ответить так же безразлично, задетая его холодным тоном. Тоже мне медведь! – А вообще, знаешь, во избежание городских пробок можно и на метро прокатиться.

Хочу еще добавить: чтобы корона с головы на упала, но вовремя прикусываю язык, мало ли, вдруг отправит меня в какое-нибудь подземелье, а я с отцом или отчимом так и не повидаюсь.

– Садись, – не реагируя на мое заявление, открывает мужчина дверь спорткара.

Заглянув в люксовый кожаный салон авто, отмечаю низкую посадку и медленно перевожу взгляд на свои ноги.

Я ведь долго сомневалась, думая, как пробраться в главный офис Медведевых, и решила надеть деловой костюм с юбкой-карандашом до колена. И как мне теперь сесть в машину, так, чтобы не оголить до неприличия ноги?

– Проблемы? – насмешливо поднимает брови вверх Глеб.

В его взгляде проносится безмолвный вызов, и я понимаю, что пути назад уже нет. Ну, хорошо, братишка, один – ноль в твою пользу, но посмотрим на результаты этой игры позже.

– С чего вдруг? – широко открываю дверцу и осторожно присаживаюсь, намеренно не одергивая задравшуюся юбку. На свои ноги я никогда не жаловалась, они длинные и стройные. Пусть полюбуется, будет знать, как играть со мной в игры без правил.

Глава 5

Глеб

Еще совсем недавно я и понятия не имел, как выполнить просьбу отца. Землю был готов рыть. Все оказалось так просто. Вот она, эта девчонка, сидит в машине в нескольких сантиметрах от меня. Только я не то, что облегчения не чувствую, – будто на вулкане оказался.

Саднящая боль в паху не дает расслабиться ни на минуту. Какого хрена? Что я ног женских не видел? Сжимаю руль так, что пальцы немеют, и изо всех сил стараюсь не зарычать. Приказываю себе смотреть на дорогу. ТОЛЬКО на дорогу. И не думать, что больше всего на свете хочется свернуть с проспекта в ближайшую подворотню, опустить сиденье и дать, наконец, волю рвущимся наружу желаниям. Дернуть вверх край узкой юбки и получить ответ на изводящий меня вопрос. Что под ней надето? Колготки? Чулки? Я почему-то уверен в последнем, но безумно хочется это проверить. А еще – дотянуться до молочной кожи в вырезе блузки, лизнуть пульсирующую венку на шее, добраться до пухлых розовых губ. Они слегка приоткрыты, и так и манят прикоснуться, ощутить их податливую мягкость под требовательным напором моих собственных.

Резко выдыхаю, понимая, что опять отвлекаюсь от дороги и умудряюсь пялиться на девчонку. Сердце ускоряет ритм, и почти нестерпимым становится желание сократить расстояние между нами. Воспользоваться моментом так, как я привык. Как делал множество раз прежде.

Не знаю, как только нахожу в себе силы различить в своем воспаленному мозгу последние подвывания здравого смысла. Торможу на светофоре, и зажегшийся красный свет ударяет в глаза. Это «стоп» не только на дороге, это мне предупреждение, что я должен остановиться. Опомниться. Я вижу эту девицу первый раз в жизни. Именно ее – впервые, потому что та малявка, что трепала мне нервы в прошлом, там и осталась. Хотя, кажется, эта новая Мария справляется ничуть не хуже. Мы рядом менее получаса, а я взбешен и раздражен до крайности.

– И что же у тебя за вопросы к моему отцу? – цежу сквозь зубы, чтобы хоть как-то отвлечься. Пусть она окажется расчетливой стервой. Или охотницей за наследством. Я умею справляться с такими, и это поможет выбросить из головы весь тот бред, который не дает покоя.

Девчонка пожимает плечами.

– Я обязана отвечать? Это же к нему вопросы. Вот ему их и задам.

– Вряд ли, – отзываюсь, выплевывая очередную порцию воздуха. – Отец в коме, и прогнозы более чем неутешительные.

Мария выдает какой-то неопределенный звук и замолкает, а когда я бросаю на нее очередной взгляд, замечаю, что она резко побледнела. Неужели расстроилась? В это трудно поверить, с чего бы ей переживать о фактически чужом человеке? Или я все-таки чего-то не знаю?

– Что случилось? – ее голос слегка дрожит, словно она собирается расплакаться, и меня накрывает совершенно неуместное желание дотянуться до тонкой ладони, лежащей на коленях, и ободряюще сжать. И не выпускать потом.

На дорогу смотри, Медведев! И глупости все из головы выброси! Вечером наведишь Ирину и выпустишь свой пар, она с легкостью поможет тебе забыть об этой соблазнительной куколке.

Сворачиваю к больнице, коротко рассказывая о состоянии отца. Обойдется без подробностей, к тому же я до сих пор не уверен, что могу ей доверять. Слишком неожиданно она появилась как раз в тот момент, когда была так нужна. А что, если это какой-то хитроумный план с ее стороны?

В стенах больницы ощущения меняются. Наверно, здесь вообще все воспринимается по-другому: смерть и боль находятся слишком близко, так что даже здоровые люди чувствуют себя уязвимыми. Я кошусь на девчонку и вижу, что и ей более чем не по себе. Перед входом в палату она и вовсе тормозит, замирает на какое-то время, а на лице отражается паника.

Опускаю руку на ее талию, слегка поддерживая. Сейчас в

этом жесте нет ни похоти, ни страсти, только желание ободрить. Я не верю во внезапно возникшие чувства к моему отцу, которого она знать не знает, но находиться у постели умирающего всегда непросто. Особенно, когда понимаешь, что с ним тебя что-то связывает.

– Есть новости? – спрашиваю у дежурящей в палате медсестры. Сам не знаю, зачем это делаю, если бы ответ был положительный, мне бы сразу сообщили.

Она виновато улыбается и едва заметно качает головой.

– Вам лучше поговорить с доктором.

– Да, я зайду к нему чуть позже. Оставьте нас? – дожидаюсь, пока она выйдет, и поворачиваюсь к Марии.

Девушка застыла у кровати, рассматривая отца. Бледная, напуганная. Губы слегка шевелятся, будто проговаривает что-то про себя. Изучая ее вот так, в профиль, понимаю, что она похожа на свою мать. Красивая. И выглядит вполне искренней.

Усмехаюсь про себя, понимая, что всего за несколько минут успел поменять свое мнение о ней. Только что в машине считал, что доверять рано, а сейчас почти склонен согласиться, что она и впрямь переживает.

– Ну что, задавай свои вопросы, – тихо произношу, подходя и вставая рядом.

Девушка вздрагивает, бросая на меня испуганный взгляд.

– Так он же... Разве услышит что-то? Сейчас?

Я всматриваюсь в застывшие черты отца. Он даже на спя-

щего не похож, слишком бесчувственным выглядят и лицо, и все тело. Но кто сказал, что в таком состоянии люди не слышат? Даже врач рекомендовал побольше общаться с ним. Рассказывать о своих новостях, делиться чем-то. Вести себя так, словно все, как всегда.

– У нас есть шанс проверить, – отзываюсь на ее вопрос, понимая, что собственный голос звучит неестественно глухо. Я давно вышел из того возраста, когда верят в чудеса, но сейчас жду именно чуда. Отцу нужна была эта девчонка, и вот она здесь. Что дальше? Что он хотел ей рассказать?

Вспоминаю о запертом в сейфе конверте и хмурюсь, внезапно осознавая, как сильно не хочу, чтобы пришлось его открыть. Пусть отец сам скажет все, что нужно. Не важно, какие цели и планы у него были в отношении девушки, пусть реализует их все. Лишь бы остался жив.

– Привет, пап, – делаю шаг к кровати, опускаясь на стул рядом. Осторожно сжимаю неподвижную холодную руку. – Это я. Хочу сказать, что в офисе все хорошо. Мы только что заключили новый контракт, тот, о котором ты мечтал. И по тендеру новости отличные, все идет к тому, что его отдадут именно нам. Работы теперь невпроворот будет, как раз, как ты любишь. Тебя ждут. Все ждут. И не говори мне, что я справлюсь, дело не в этом. Есть вопросы, которые некоторые хотят решать только с тобой. Не подводи меня, окей?

Несу какую-то чушь несусветную. Я давно научился вести дела самостоятельно, но сейчас, как никогда остро, ощущаю

потребность, чтобы он действительно был рядом. Нет, не для поддержки. Просто рядом.

– И самое главное, пап. Ты просил найти Машу. Вот она, здесь. И так же, как и я, ждет разговора с тобой.

Чуда не происходит. Отец остается недвижим и абсолютно никак не реагирует на мои слова. Я всматриваюсь в его лицо, ищу в застывших чертах хоть какой-то признак того, что он меня слышит, но не вижу этого. Ничего не вижу.

В груди закипает боль. От бессилия хочется зарычать, с размаху впечатать кулаком в стену. Хоть что-то сделать, чтобы сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

Но при этом не могу не понимать, что должен сдерживаться. Здесь не место для проявления эмоций, еще и таких. И потом, я не один. Если невозможно выяснить, реагирует ли на мое присутствие отец, то новоявленная сводная сестрица точно все замечает и слышит. А пугать ее еще больше я совершенно не хочу: она и так побледнела настолько, что почти сливается цветом лица с больничными стенами.

– Я должен поговорить с врачом. Хочешь пойти со мной? Девушка бросает на меня беглый взгляд.

– А можно я немного побуду здесь? С ним? Пожалуйста...

Мне не нравится эта идея. Вообще. Нет, я не опасаясь, что она может сделать что-то дурное, но почему-то ощущаю странную потребность присутствовать при ее разговоре с отцом. Вернее, при попытке этого разговора. Хочу знать, что творится в ее голове, что она чувствует и чего добивает-

ся. Но, с другой стороны, разве я имею право контролировать каждый ее шаг? Да и действительно должен уйти, чтобы встретиться с доктором.

Киваю, хоть и нехотя, оставляя ее в палате. Направляюсь в ординаторскую, заранее зная, что разговор будет не из легких. Я и сам вижу, что ситуация не улучшается. Лечащий врач лишь в очередной раз это подтверждает, рассказывая о результатах очередного обследования и перечисляя еще ряд зарубежных клиник, отказавшихся принять отца.

– Глеб Александрович, поверьте, мы делаем все, что в наших силах. Но ничего утешительного я сказать не могу. Вам лучше быть готовым...

– Довольно! – все же не выдерживаю и рявкаю, злясь и на него, и на весь свет на несправедливость ситуации. – Я не собираюсь хоронить отца, пока он еще жив. И вам не позволю.

Доктор грустно улыбается в ответ, но не спорит, и я тороплюсь уйти, чтобы еще больше не поддаться этим упадническим настроениям. Возвращаюсь к палате и обнаруживаю Марию на кушетке в коридоре. Сидит, пряча лицо в ладонях, а плечи заметно дрожат. Неужели плачет?

Негромко окликаю, и она снова вздрагивает, поднимая голову. На щеках блестят влажные дорожки.

– Медсестра попросила выйти... Сказала, что там процедуры какие-то...

Поднимается и делает шаг ко мне. Еще один. Неожиданно всхлипывает и упирается лбом в мою грудь.

– Как же так, Глеб? Я ведь мечтала его найти, поговорить. Накопилось столько вопросов. Я в город специально для этого приехала. Почему все так?!

У меня нет ответа, да и не ждет она его. Наверно, просто поддается временной слабости, ища поддержки у единственного человека, оказавшегося рядом.

А я поступаю единственно возможным образом. Не думаю о том, насколько это правильно и уместно сейчас. Действую, подчиняясь мгновенно возникшему побуждению. Сжимаю тонкие плечи, притискивая девушку ближе к себе. Утыкаюсь в волосы и начинаю бормотать какие-то утешительные глупости.

Глава 6

Маша

Чувствую себя так, словно меня окунули в густой туман. Голос Глеба доносится откуда-то издалека. Осознавать, что мужчина, которого раньше я видела на обложках журнала, находится в таком состоянии, невыносимо.

Перед глазами неожиданно начинают всплывать давно забытые картинки из прошлого. Сложно объяснить, но именно понимание, что я могу больше не получить ответы на свои вопросы от этого человека, пробуждают воспоминания из детства. Вот он меня берет на руки, целуя в щеку, или пытается утешить из-за того, что я разбила свою любимую фарфоровую куклу...

Образы не слишком четкие, но, тем не менее, они есть, и становятся какими-то по-особенному дорогими для меня.

Глеб согласился не препятствовать и на просьбу побыть немного наедине с отчимом, не возразил, оставляя меня в палате.

Несколько раз я пыталась поговорить с Медведевым-старшим, но слова застревали в горле, так и не прозвучав вслух. Я просто не знала, что сказать! Не знала, услышит ли он меня. Узнает ли... Сложно говорить с человеком, который ле-

жит без сознания, тем более, с которым не виделись столько лет.

Только набралась немного храбрости произнести слово, как в палату вошли медсестры, попросив меня выйти.

Так и не поговорив, я усаживаюсь на кушетке в коридоре и даю волю слезам.

Тяжело сдерживать свои эмоции, крупные горошины слез сами катятся по моим щекам, оставляя мокрые следы.

«Как же так?» – мысленно повторяю в который раз и неожиданно нахожу утешение в его объятиях, проливая слезы на груди мужчины.

Тихий голос Глеба окутывает заботой. Он говорит и говорит, постепенно успокаивая меня. В его крепких руках я наконец-то чувствую себя надежно и, как ни странно, комфортно.

– Давай, кроха, прекращай, слезами горю не поможешь. Тем более, я не спешу хоронить предка, – это заявление возвращает меня в реальность.

– Да как ты только мог подумать?! Я ничего такого...

– Эй, перестань! Все хорошо, правда. Нужно же было мне тебя в чувство привести. Ничего, мы еще поборемся, так легко Медведевы не сдаются! Так что давай, вытирай свой очаровательный носик – и больше никаких слез! – сказав это, Медведев-младший слегка отодвигается, выставляя между нами небольшую дистанцию.

Кажется, или в его взгляде я замечаю сожаление?

– Спасибо за теплые слова... А ведь это я тебя должна утешать, ведь он – твой отец, – жалобно срыгается с моих губ.

Ну вот, еще пожалей себя, что без отца выросла! Мысленно отвесив себе затрещину, я быстро пытаюсь собраться.

– Прости, глупости несу, – опускаю глаза под его изучающим взглядом.

– Пойдём, – мужчина в очередной раз крепко стискивает мою руку и направляется к выходу.

Стараясь подстроиться под его широкие шаги, я смахиваю оставшуюся влагу на щеках и уточняю:

– Куда ты меня тащишь?

– Домой! У тебя есть дом, точнее, у нас есть дом. Думаю, отец будет рад, если ты поживешь там, пока он не поправится.

– Я – у вас?! С тобой? – испугано переспрашиваю.

Еще бы понять, что меня напугало: то, что придется жить под одной крышей с почти незнакомым мне мужчиной, или то, что я действительно этого хочу. Вот так дилемма!

Что между нами происходит: новая искренность, или старая ложь? Ведь прошлое не может быть без лжи, как, впрочем, и будущее. Сколько мне еще придется узнать навязанной правды? Или все же происходящее выведет на новый уровень, и мы сможем наладить отношения? Что случилось у моей мамы с отчимом? Почему у Глеба имеются какие-то

воспоминания обо мне, а у меня нет ни одного?

Целый шквал вопросов крутится в голове по дороге в мое новое жилище. Глеб настоял на том, чтобы я жила в их с отчимом доме. Его доводов, почему так будет лучше, я не слышала, вернее слышала, но не услышала, полностью поглощенная своими мыслями.

Прихожу в себя уже перед высоким каменным забором, скрывающим огромный кирпичный элитный дом.

Внутреннее богатое убранство лишает меня дара речи, и все комментарии по поводу жилья просто-напросто проглатываю.

– Молчишь? – бархатный голос Глеба заставляет вздрогнуть, и я понимаю, что будет непросто жить с ним под одной крышей. Но еще сложнее отказаться. И дело тут не в самом Глебе или в роскошном доме, а, скорее, в тайнах, которые предстоит узнать, живя здесь. Хотя, наверно, частично и в моем сводном братце, но об этом лучше подумать попозже и в более спокойной обстановке.

– Я должна что-то сказать? – разворачиваюсь и стараюсь не смотреть ему в глаза, вот только все тщетно.

Делая ко мне шаг, он непроизвольно притягивает к себе внимание, и мои глаза скрешиваются в безмолвной битве с его напряженным взглядом, словно мы пытаемся доказать свою независимость друг другу.

– Нет, ты ничего не должна. Надеюсь, тебе понравится дом, на самом деле он уютный, и в нем есть все необходимое:

бассейн, небольшой спортзал зал, сауна, турецкая баня...

– Все вышеперечисленное напоминает элитный отель, – не получается у меня сдержаться.

– Действительно, – усмехается Глеб, – а еще у нас есть бильярдная комната и отличная библиотека. Так что скоротать досуг будет легко и приятно.

– Приятно, – повторяю, словно эхо. – Спасибо, я подумаю...

– Подумаешь?! – нахмурившись, переспрашивает мой сводный медведь.

Действительно, что это я? Мысленно обругав себя, вымученно улыбаюсь и произношу, пытаюсь оправдаться:

– Прости, не это имела в виду, просто устала, думаю совершенно о другом.

Медведев-младший хмурится еще больше и, задумчиво погладив свою красиво подстриженную бороду, добавляющую ему солидности, смотрит на часы и произносит:

– Хорошо, мне нужно вернуться в офис, закончить кое-какие дела, а ты пока располагайся. На втором этаже можешь занять любую свободную комнату, которая тебе придется по вкусу.

– Спасибо, мне надо в город к подруге, там мои вещи, – на автомате отвечаю я.

Сделав шаг назад, Глеб оценивающе смотрит на меня. Поднимает руку и заправляет прядь моих волос за ухо, а потом с улыбкой говорит:

– Напиши адрес, я заеду, думаю, тебе после сегодняшнего нужен отдых. Знаешь, моральная усталость бывает намного хуже физической. Думаю, горячая ванная с пеной и немного сна пойдут тебе на пользу.

Его неожиданная забота необычайно трогает, и на глазах выступают слезы. Быстро развернувшись, я, скрывая непрошеную влагу на щеках, открываю сумку и, нащарив там листок бумаги с ручкой, пишу адрес подруги. Наверное, действительно стоит отдохнуть, а то эмоции выплескиваются через край.

Взяв себя в руки, протягиваю листочек и с улыбкой прощаюсь:

– Спасибо.

– Не благодари, – ухмыляется он. – Хотя нет, от горячего ужина не откажусь, сестренка! – с этими словами чмокает меня в щеку и размашистыми шагами покидает дом.

Ужин! Я должна приготовить ужин.

Глеб оставляет меня одну, и я начинаю свою экскурсию по дому. Все вышеперечисленное тут действительно есть, и даже больше. Дом напичкан так, что здесь спокойно можно было жить в удалении от всего мира и не соскучиться. С едой приблизительно такая же история: забитый продуктами холодильник и изобилие кухонных шкафов заставляют задуматься о том, действительно ли здесь живет на данный момент всего один человек. Хотя кто тебе, Машутка, это сказал? Очень может быть, что в доме имеется прислуга, охрана

и остальной персонал, который обычно присутствует в местах такого рода.

Но, обойдя полностью весь особняк, я так никого и не встречаю. Зато выбираю себе прекрасную комнату с собственной ванной и туалетом. Просторная и светлая спальня в кремовых тонах выходит окнами во внутренний двор, открывая обзор на большой голубой бассейн. Хорошо живут, ничего не скажешь, каждый уголок так и кричит о богатстве.

Оторвавшись от созерцания голубой поверхности воды, я решаю опробовать кровать, а точнее, матрас. Падаю на шелковые простыни и блаженно потягиваюсь. Матрас шикарен, особенно после ночи у виртуальной подруги, которая во сне все время теснила меня к стенке. Собираюсь полежать всего две минутки, а потом отправиться в душ и на кухню – готовить ужин. Какой же это кайф: шелковые простыни, пахнущие ванилью, огромная большая кровать – вся для меня – и аж четыре подушки. Так! Главное, не спать! Понимаю, что нельзя это делать, но такая удобная кровать увлекает в глубокий сон. Сколько я себе не приказываю, что надо подниматься, продолжаю наслаждаться отдыхом, пока не чувствую прикосновение к щеке прохладных шершавых пальцев.

Распахиваю глаза и только хочу что-то сказать, но меня опережают.

– Тс-с-с, устала моя девочка, моя сестренка... – глубокий голос Глеба будоражит, пробуждая во мне запретные чувства.

Сумерки, спустившиеся в комнату, отчасти скрывают его, и не могу понять, он присел рядом с моей кроватью или стоит на коленях возле. Хочу что-то сказать, но кажется, словно я потеряла голос, лежу и продолжаю смотреть на мужественные черты лица моего сводного.

– Молчишь? Намеренноводишь меня с ума, да? Скажи, ты для этого приехала, чтобы лишиться меня рассудка? – он продолжает касаться моего лица, нежно лаская скулы и медленно спускаясь указательным пальцем к нижней губе.

Желание возразить, сказать, что это не так, что он неправильно понял, поднимается волной возмущения внутри, но я могу выдать всего лишь жалкий стон.

– Тс-с-с, тихо. Не надо ничего говорить, я все и так вижу, – нажимает он мне на губу своим пальцем, проталкивая его в рот.

– Соси! – слышу отчетливый приказ, и меня бросает в дрожь от откровенного возбуждения.

Повинуясь – и тут же понимаю глупость и собственного, и его поступка. Разозлившись, пытаюсь резко подняться с кровати, но в итоге переусердствую и падаю на пол, окончательно просыпаясь. Моргаю, словно обезумев, вглядываюсь в темноту комнаты, выискивая моего мучителя, вот только его здесь нет. Сидя на полу, только теперь понимаю, что все случившееся – лишь игра моего воспаленного воображения. Сон.

– Это всего лишь сон... – повторяю вслух, едва сдержива-

ясь, чтобы громко не рассмеяться.

В дверь раздается стук, и я вскакиваю на ноги, неуверенно спрашивая:

– Кто там?

– Маш, ты уже спишь? – узнаю голос Глеба. Оправляю задравшуюся юбку и отзываюсь:

– Нет, не сплю.

– Можно? – дверь приоткрывается.

– Да, конечно, – на всякий случай осматриваю себя.

– Ты чего в темноте сидишь? – включает он свет, на мгновение ослепляя меня.

– Я прилегла...

– О! Прости, не хотел будить, – извиняется мужчина, вкатывая мой чемоданчик.

– Нет-нет, все в порядке! Спасибо, что привез вещи...

– Ты тогда давай, переодевайся, а я на кухню – сварганю нам что-то на ужин! – усмехается он, рассматривая мой рюмянец, лениво улыбается и только потом выходит из комнаты.

Глава 7

Глеб

Кидаю на разогретую сковородку заготовки для стейков – *спасибо Светлане, позаботилась!* – но переполняющие меня мысли с едой ничего общего не имеют. И голод, что гложет, совсем другого характера.

Не могу перестать думать о своей так называемой сестрице и о том, как соблазнительно она выглядит после сна. Растрепанные волосы, затуманенные глаза, чуть припухшие губы. Будто не спала она, а занималась куда более приятными вещами. Вместе со мной, разумеется.

Впору лезть под холодный душ! Может, хоть это остудит буйные фантазии с участием новоявленной родственницы.

Собирался ведь к Ирине поехать и оторваться по полной, да только после работы двинул напрямик за вещами Маши, а потом домой. Под тем невероятно благовидным предлогом, что гостью нельзя надолго оставлять одну. Мало ли что ей может понадобиться. Конечно, все это чушь собачья. Мария – взрослый человек и вполне в состоянии справиться с любыми проблемами без меня. Так что дело не в заботе совсем. В том, что я, как озабоченный подросток, поскорее снова хотел увидеть предмет своего вожделения.

Девушка появляется в кухне, потягивается, и я залипаю, разглядывая контуры груди под натянувшей тканью футболки. Вот же угораздило. А ведь еще утром переживал, как бы поскорее выполнить просьбу отца. Все получилось, даже проще, чем я думал, только теперь передо мной стоит куда более важная задача: устоять перед ней. И перед собственным желанием.

– Прости, Глеб, – виноватым тоном проговаривает Мария, рассматривая, чем я занят. – Обещала же помочь, а сама уснула. Ты с работы, еще и с ужином возиться пришлось. Свалилась на твою голову!

Игнорирую последнюю фразу, чтобы не распалиться еще больше. Еду приготовить вообще не трудно, мне нравится этим заниматься. Разобраться бы только с такими неуместными чувствами.

– Прекрати, нормально все. Тебе с дороги отдохнуть надо было, – отворачиваюсь к сковородке, чтобы не пялиться на сводную. Да и мясо пора перевернуть, мало того, что я весь горю, не хватало еще его спалить.

– Тебе тоже после рабочего дня, – не унимается девчонка. – Давай хоть что-то сделаю.

Лучшее, что ты можешь сделать, это отправиться в свою комнату, а не мельтешить у меня перед глазами в облегающей одежде, – моментально проносится в голове. Вслух же я говорю совсем другое:

– Если хочешь, можешь порезать салат, овощи в холодиль-

нике.

Девушка обрадованно кивает и бросается выполнять мое поручение. А я снова делаю вид, что важнее полуготового стейка нет ничего на свете. Да и дожариться он может исключительно под моим неусыпным взором.

– Расскажи об отце, – просит Маша, и я, не оборачиваясь, пожимаю плечами.

– Что ты хочешь узнать?

– Да я и сама не знаю. Какой он, что любит. Я почти ничего не помню.

Чувствую себя довольно странно, говоря с человеком и стоя к нему спиной. Если бы такое допустил кто-то из подчиненных, в лучшем случае заработал бы выговор. Да и Ирина, если бы учудила подобное, вряд ли бы дождалась одобрения с моей стороны.

Но новоявленная сестрица ведет себя, как ни в чем не бывало. Если мое поведение ее и цепляет, вида не подает. Я слышу постукивание ножа по доске, хруст листьев салата, легкие шаги и мелодичный голос. Слишком уютное сочетание. Как-то совершенно не к месту вспоминаю, что Ира никогда не изъявляла особого желания помочь мне с ужином. Ее куда больше привлекали походы в ресторан, возиться самой не хотелось. А эта фактически чужая девица зачем-то пытается угодить. И вот вопрос: зачем?

Думаю над просьбой девчонки, и неожиданно для себя самого понимаю, что не знаю, о чем рассказать. Последние

годы мы мало общались с отцом. Слишком мало. Работали вместе, нередко пересекались в офисе, да и жили в одном доме. Но так, чтобы поговорить по душам... Этого не было. Давно.

Огромный дом позволял существовать параллельно, иногда даже не встречаясь. Уезжали в разное время, возвращался я тоже обычно гораздо позже отца, когда тот уже спал. Теплых семейных обедов давненько не случалось.

Я не видел в этом проблемы. У каждого из нас была своя жизнь, дела, женщины, отец благоразумно не вмешивался в мою, а я не считал, что имею право лезть в его. Может, потому и упустил момент болезни. Что бы там ни говорил врач, если бы все обнаружилось раньше, то и шансов наверняка было бы больше. А теперь остается лишь сокрушаться, что я оказался недостаточно внимательным. И к кому? К родному отцу! К единственному близкому мне человеку! Ведь роднее его действительно никого нет.

Сжимаю челюсти, борясь с растущим внутри негодованием к самому себе. Гребаный эгоист! Столько всего пропустил, а сейчас едва ли можно нагнать и исправить. Хотя и выполнил просьбу отца, нашел Машу, кому от этого легче? Уж точно не ему – он даже не знает о том, что девушка приехала. Да и ей не похоже, чтобы это как-то облегчило жизнь.

Ловлю на себе внимательный взгляд. Маша сдвигает брови, задумчиво изучая меня, и очень хочется влезть сейчас в ее мысли и понять, что же там происходит.

– Ты не виноват, – неожиданно произносит она. – Некоторые вещи невозможно предугадать. И предотвратить. И потом, может, все еще обойдется.

Недоумение слишком быстро сменяется раздражением, даже злостью. Какого хрена она лезет?! Что вообще понимает в этом?! Ей ни хрена не известно ни про мои отношения с отцом, ни про то, что я думаю и чувствую. Она вообще – чужой человек, который непонятно зачем явился в нашу жизнь!

– Не знаю, что ты там себе напридумывала, но в утешениях я точно не нуждаюсь, – цежу сквозь зубы, стараясь не смотреть, как от моих слов в глазах девчонки слишком заметно вспыхивает обида. – Сам разберусь, в чем я виноват, а в чем – нет.

Она приоткрывает рот, явно собираясь выдать в ответ что-то колкое, даже губы шевелятся, но потом стремительно отводит глаза. Пожимает плечами и натягивает на лицо выражение равнодушия. Поддевает вилкой кусочек мяса и делает вид, что ничего, кроме содержимого тарелки ее не интересует.

Придурак! – мысленно награждаю я себя более чем подходящей характеристикой. Совсем все хреново, раз на людей начал срываться. Девочка-то точно ни при чем. И не заслужила такого обращения. В конце концов, она в гостях, что бы ни таилось за ее неожиданным приездом. И отец хотел ее видеть. А я веду себя как неуравновешенный мальчиш-

ка-подросток, срываясь за все сразу: и за ситуацию с отцом, и за свою собственную нездоровую реакцию.

Но вместо того, чтобы извиниться, тоже опускаю взгляд в тарелку, с размаху вонзая нож в недоеденный стейк. Дурацкая ситуация. Может, зря я пригласил ее пожить у нас? Разумеется, отцу пришлось бы это по душе, но если мы с первого дня не может найти общий язык, то что будет дальше? У меня характер – не сахар, но похоже, что моя сестрица – тоже не подарок.

Будто в подтверждение моих мыслей Маша поднимает голову и хмыкает, глядя, как я гоняю по тарелке кусок мяса.

– Это вряд ли поможет. Ты сказал, у вас спортзал имеется? Пойди, там пар выпусти. Грушу поколоти. На крайняк душ прими холодный. Помогает от злости, знаешь ли.

Смотрит мне в глаза, ехидно улыбаясь. Надерзила – и совершенно не боится ничего. Думает, все ей с рук сойдет?

Я поднимаюсь, с грохотом отодвигая стул, в два шага преодолеваю расстояние между нами и нависаю над девчонкой.

– Очень умная, да? Или наглая? Ты вроде как в гостях, если не забыла. Или тебя не научили себя вести?

Пухлые, нетронутые помадой губы, сжимаются в жесткую линию, а глазах появляется такой холод, что мне не мгновенно делается не по себе. Перегнул, однозначно! Сам же начал хамить, она просто дала сдачи. И правильно сделала, покорным и сдержанным овечкам в наше время попросту не выжить.

– Спасибо, что напомнил, – Маша тоже встает из-за стола, и оказывается почти вплотную ко мне. Сейчас выглядит как-то по-особенному хрупкой и маленькой, только до плеча мне достает. Но и не думает бояться, вздергивает подбородок и смотрит почти свирепо. – Но, кажется, я поторопилась принять приглашение. Терпеть не могу хамов, еще и по соседству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.